

Петропавловский И. Д., прот. Вынужденное самооправдание: (Заметка к письму высокопреосвященнейшего Саввы [Тихомирова] в его «Автобиографических записках» в Богословском Вестнике. 1903. дек. [Т. 3. № 12] С. 739—740) // Богословский вестник 1904. Т. 2. № 5. С. 124—140 (2-я пагин.).

ВЫНУЖДЕННОЕ САМООПРАВДАНИЕ.

(Замѣтка къ письму Высокопреосвящ. Саввы въ его „Автобіографическихъ запискахъ“—въ „Богосл. Вѣстникъ“ 1903 г. дек. 739—740 стр.).

Крайне удивилъ меня неожиданно встрѣченный мной на страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ (1903 г. декабрь), въ „Автобіографическихъ запискахъ“ Высокопреосвящ. Саввы, Архіеп. Тверскаго (739—740 стр.), обвинительный отзывъ о совершенно невинныхъ по своему содержанію строкахъ, взятыхъ покойнымъ Владыкой изъ моей апологетической статьи, напечатанной 26 лѣтъ тому назадъ въ „Душеполезномъ Читаніи.“ (въ 1878 г.). Преосвящ. „автобіографъ“, на основаніи указанныхъ строкъ, въ своей перепискѣ съ цензоромъ того времени, прот. С. И. Зерновымъ, обвинялъ меня въ „лжеученіи,“ осужденномъ на V вселенскомъ соборѣ.

Въ виду такого слишкомъ тяжкаго обвиненія, взведеннаго на меня покойнымъ Владыкой и теперь всплывшаго на свѣтъ Божій, благодаря напечатанію его въ академическомъ журналѣ и прямому подстрочному указанію со стороны редакціи журнала на принадлежность статьи, подписанной въ свое время только инициалами: С. I. П., именно мнѣ: „нынѣ прот. I. Д. Петропавлоскому,“ вынуждаюсь просить почтенную редакцію „Богословскаго Вѣстника“ принять къ напечатанію въ видѣ „Замѣтки“ къ „Запискамъ“ Владыки нижеслѣдующую мою отвѣдь на его обвиненіе.

Несомнѣнно, что преосвящ. Савва въ частной перепискѣ съ разными, особенно близкими ему лицами, составлявшей тайну между нимъ и его адресатами, нерѣдко позволялъ

себѣ совершенно свободное, навѣянное внѣшними впечатлѣніями или внутреннимъ настроеніемъ духа лишь въ извѣстныя минуты, выраженіе мыслей, не строго обдуманнаго, не вполне взвѣшенныхъ, по силѣ ихъ основательности, его собственнымъ критическимъ сознаниемъ, и даже не чуждыхъ нѣкоторой страстности, когда приходилось ему говорить о такихъ явленіяхъ текущей жизни или дѣйствіяхъ и трудахъ своихъ современниковъ, которые чѣмъ-либо сильно затронули его сердце. И все это онъ могъ дѣлать безъ всякаго стѣсненія въ томъ справедливомъ расчетѣ, что его эпистолярныя сужденія, такъ или иначе задѣвавшія извѣстныхъ лицъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія о чести быть судимыми въ письмахъ Владыки, ни въ какомъ случаѣ не могли, по крайней мѣрѣ при его жизни, вызвать какихъ-либо непріятныхъ для него объясненій со стороны судимыхъ имъ лицъ.

Къ такой категоріи сужденій, не отличающихся надлежащею основательностію, по нашему убѣжденію, слѣдуетъ отнести и все то, что высказано покойнымъ Владыкой Саввой объ отрывочно-взятыхъ имъ немногихъ строкахъ изъ моей статьи: „Безгрѣшность Господа Нашего Иисуса Христа, какъ доказательство Его богочеловѣческой природы.“ Владыку, по его собственному выраженію, „поразили“ слѣдующія немногія слова моей статьи: „всѣ добродѣтели Христа и вообще все Его нравственное совершенство не было Ему врождено, не было дано Ему готовымъ отъ природы; напротивъ, духъ Его только постепенно развивался, проходилъ истинно-человѣчскій путь развитія и этотъ путь совершалъ не безъ борьбы съ естественно-чувственными влеченіями своей физической природы“ и проч.

Приведенныя Владыкой строки дали ему поводъ думать, что, слѣдовательно, я рѣшительно ничѣмъ не различаю чело-вѣческой природы Христа отъ общечеловѣческой, т. е. отъ природы всѣхъ людей вообще, что, поэтому, я предполагаю и въ Христѣ такую же борьбу двухъ противоположныхъ законовъ, какую признавалъ въ себѣ Ап. Павелъ (Римл. VII, 23), и что, стало быть, я готовъ и Христу приписать скорбное чувство о своей грѣховности и сознание Ап. Павла, выраженное послѣднимъ въ словахъ: „окаяненъ азъ человекъ и проч.“ Послѣ такого вывода изъ моихъ словъ, конечно, уже

естественно слѣдовалъ тотъ приговоръ Владыки надъ вышеприведенными строками изъ моей статьи, въ которомъ выразилось все негодованіе его правовѣрующаго сердца: указанныя строки, по нему, содержать въ себѣ „лжеученіе,“ „гнилыя и нездравомысленныя слова,“ „мудрованіе мнящагося быть мудрымъ, но не о Христѣ.“

Приступая къ оцѣнкѣ сужденія Владыки о взятой имъ выдержкѣ изъ моей статьи, прежде всего, нахожу необходимымъ напомнить основное требованіе всякой серіозной и непредвзятой критики: отдѣльныя выраженія, заимствованныя изъ какого-либо литературнаго произведенія, слѣдуетъ понимать при освѣщеніи ихъ *общимъ* содержаніемъ сочиненія и во всякомъ случаѣ *въ связи* съ предшествующими имъ и послѣдующими имъ предложеніями или мыслями, съ которыми критикуемая мысль или предложенія находятся въ неразрывной логической связи. Всѣмъ извѣстно, что если мы будемъ судить о смыслѣ нѣкоторыхъ (и при томъ весьма многихъ) изреченій Свящ. Писанія, рассматривая ихъ отрывочно, безъ всякаго отношенія къ общему ученію Слова Божія, то можемъ найти въ нихъ Богъ знаетъ какой смыслъ, т. е. безусловно противный общему ученію Божественнаго откровенія. Къ сожалѣнію, этого требованія безпристрастной критики при сужденіи о смыслѣ приводимыхъ изъ моей статьи немногихъ выраженій покойный Владыка не хотѣлъ держаться.

Въ доказательство нашего утвержденія признаемъ необходимымъ, во-первыхъ, указать здѣсь *на общее* содержаніе того отдѣла моей статьи, изъ котораго приведена Владыкой выдержка и, во-вторыхъ, воспроизвести сообщающія безобманчивое освѣщеніе смысла означенной выдержки нѣкоторыя *предшествующія* ей и *послѣдующія* за нею выраженія моей статьи. Общее содержаніе моей статьи состоитъ въ анализѣ человѣческой (духовно - тѣлесной) природы Христа по ея отдѣльнымъ сторонамъ и въ раскрытіи со всѣхъ, изъ рассматриваемыхъ мной, сторонъ безусловной *безгрѣшности*, абсолютной нравственной чистоты и святости человѣческой природы Спасителя. Порицаемая Владыкой слова моей статьи находятся въ отдѣлѣ, трактующемъ о томъ, что ни малѣйшаго грѣховнаго пятна или порока не открывается въ человѣческой природѣ Христа при разсмотрѣніи *отношеній Его духа къ плоти*, къ натурально-чувственнымъ вле-

ченіямъ, исходившимъ изъ тѣлесной природы Христа. Раскрытіе этого положенія вкратцѣ состоитъ въ слѣдующемъ: „задача человѣческаго духа въ его отношеніи къ соединенной съ нимъ тѣлесной природѣ состоитъ въ томъ, чтобы влеченія, присущія послѣдней, онъ держалъ въ своей власти и управлялъ ими единственно по требованіямъ своей совѣсти и разума. Слѣдствія грѣховъ, какъ личныхъ, такъ и наслѣдственныхъ, обнаруживаются здѣсь въ томъ, что обыкновенно духъ человѣка оказывается неспособнымъ безусловно властвовать надъ плотію, какъ господинъ надъ рабой, и напротивъ съ усиленіемъ грѣха въ человѣкѣ духъ его оказывается болѣе и болѣе безсильнымъ удерживать въ своемъ подчиненіи плотскія влеченія и, даже болѣе, самъ вынуждается съ своей волей къ подчиненію и удовлетворенію требованіямъ плоти. Но Господь Христосъ представляетъ въ этомъ отношеніи безусловный контрастъ всѣмъ людямъ: никто изъ рода человѣческаго не былъ такимъ совершеннымъ, самодержавнымъ властелиномъ надъ своей плотію, какъ Господь Іисусъ Христосъ“. И чтобы рельефнѣе выставить и полнѣе оцѣнить Его абсолютныя нравственныя совершенства, какъ Его личныя достоинства, свободно пріобрѣтенныя Имъ, а не механически связанныя съ Его лицомъ, какъ *Его добродѣтели*, а не врожденныя свойства Его природы, я прибавляю: „всѣ добродѣтели Христа и вообще все Его нравственное совершенство не было Ему врождено, не было дано Ему готовымъ отъ природы; напротивъ, духъ Его только постепенно развивался, проходилъ истинно-человѣчскій путь развитія и этотъ путь совершалъ не безъ борьбы съ естественно-чувственными влеченіями своей физической природы и, такимъ образомъ, все свое нравственное совершенство имѣлъ Своимъ личнымъ достояніемъ, результатомъ Своего собственнаго, свободнаго подвига. Но во всемъ ходѣ нравственнаго саморазвитія Господа мы не можемъ уловить ни одного случая, когда бы духъ Христа въ изнеможеніи (а преосвящ. Савва думаетъ, что я навязываю Христу горестное сознаніе Ап. Павла: *окамень азъ человекъ...*) уступилъ какому-либо влеченіямъ плоти, уклонявшимся Его отъ предназначенной Ему задачи; напротивъ, духъ Его самъ всегда съ неизмѣнною бодростію и энергіей властвовалъ надъ всѣми чувственными влеченіями и требованіями... Такъ

мы видимъ во Христѣ одно непрерывное господство духа надъ плотію, одно неослабное самообладаніе ¹⁾...!

Разсматривая инкриминируемыя преосвящ. Саввой слова моей статьи въ связи съ цѣлымъ содержаніемъ отдѣла, въ которомъ они находятся, кто не согласится, что они выражаютъ собой лишь ту безспорную истину, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ не былъ человѣкомъ только *по виду*, будучи по существу исключительно Богомъ, а напротивъ, былъ какъ истиннымъ Богомъ, такъ и истиннымъ человѣкомъ. Поскольку Онъ былъ человѣкомъ, Онъ владѣлъ душевно-тѣлесной природой *во всемъ* подобной нашей, *кромя грѣха* и потому со стороны человѣческой природы Онъ не отличался отъ насъ какими либо магически-данными Ему совершенствами, т. е. сообщенными Ему съ перваго момента появленія Его на землѣ во всей полнотѣ ихъ развитія и потому уже не подлежащими никакому дальнѣйшему развитію, не усовершенными; напротивъ, какъ говорится въ моей статьѣ, все свое нравственное совершенство Христосъ „имѣлъ Своимъ личнымъ достояніемъ, результатомъ Своего собственнаго, свободнаго подвига“. Дѣйствительно, все человѣчески-нравственное совершенство нашего Искупителя не было дано Ему отъ природы, разъ на всегда въ неизмѣнно-опредѣленномъ видѣ, а явилось результатомъ чисто естественнаго, строго-органическаго процесса душевнаго развитія Его, было личнымъ Его достояніемъ, приобрѣтеннымъ собственною энергіей Его свободной воли и потому-то и стоитъ предъ нами вѣчно-живымъ Первообразомъ, побуждающимъ насъ къ подражанію Ему ²⁾. Можно ли открыть въ этихъ мысляхъ что

¹⁾ За неимѣніемъ подъ рукой „Дух. Чит.“ за 1878 г. цитуюмъ свою статью по ея изданію въ I-мъ выпускѣ моихъ апологетич. статей: „Общедоступная статья въ защиту христ. вѣры противъ невѣрія“. (2-е изд. 1898 г. стр. 69—70).

²⁾ Прекрасное подтвержденіе нашихъ мыслей находимъ въ переводномъ и апробованномъ разными авторитетными одобреніями сочиненіи Шаффа: „если бы Христосъ съ самаго начала былъ одаренъ *абсолютною неспособностью* грѣшить, то не могъ бы быть истиннымъ человѣкомъ и поэтому самому не могъ бы быть образцомъ для нашего водражанія. Его святость не была бы Его собственною, личною заслугой, а случайнымъ внѣшнимъ даромъ и Его искушенія были бы обманчивымъ призракомъ (См. сборникъ статей по истолков. чтенію четвероевангелія—М. Барсовъ т. I-й, 266 стр. 1890).

либо „лжеучительное“, еретическое, если только не вносить въ нихъ ничего болѣе того, что въ нихъ содержится, не заподозривать въ инкриминируемыхъ словахъ моей статьи сокрытіе другихъ мыслей, нежели какія ими прямо высказываются? Не покоится ли нашъ взглядъ на развитіе нравственнаго совершенства Христа всѣмъ своимъ смысломъ на свидѣтельствахъ самого Евангелія о Христвъ: *младенецъ же возрасталъ и укреплялся духомъ, исполняясь премудрости* (Лук. 2, 40); *Иисусъ же преуспѣвалъ въ премудрости и возрастъ и въ любви у Бога и чловѣковъ*¹⁾ (ib. ст. 52). Вносилъ ли преосв. Савва какой-либо опредѣленный смыслъ въ эти евангельскія изреченія? Повидимому, нѣтъ. Въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ бы видѣть въ нихъ именно тотъ самый смыслъ, который выраженъ нами въ осуждаемыхъ Владыкой строкахъ нашей статьи. Евангеліе утверждаетъ, что духовныя совершенства Христа по Его чловѣчеству не представляли собой отъ рожденія Его на землѣ до окончательнаго исхода земной жизни какого-либо *statu quo*, чего-то неподвижнаго, а только, постепенно раскрываясь, достигли своего высшаго развитія, и мы утверждаемъ лишь тоже самое, не болѣе и не менѣе²⁾.

Покойнаго святителя, нужно думать, особенно возмутила послѣдняя фраза приведенной имъ изъ моей статьи выдержки: *„истинно-чловѣческой путь развитія Христось совершалъ не безъ борьбы съ естественно-чувственными влеченіями своей физической природы“*³⁾... „Что это?“—съ негодующимъ паѳосомъ спрашиваетъ онъ?—„Стало быть и къ воплотившемуся Сыну Божію можно относить слова Ап.

1) Въ комментаріяхъ къ этимъ изреченіямъ читаемъ: „чловѣческая природа Спасителя *со вѣми ея духовными силами* развивалась постепенно съ тѣмъ только различіемъ отъ общечловѣческаго развитія, что зло не коснулось Христа и ничто не омрачило чистоты души Его („Сборникъ ст.“—Барсова ib. 205 стр.).

2) По словамъ Орды (недавно скончавшагося Иринея, арх. Орловскаго) „даже религиозное чловѣческое познаніе Христа не было еще окончено... Постояннымъ обращеніемъ съ Своимъ небеснымъ Отцемъ, углубленіемъ въ Свящ. Писаніе своего народа, посѣщеніемъ въ субботу синагогъ, умственнымъ разсматриваніемъ чудесъ Творенія разширилось и углублялось Его познаніе, возрастала Его премудрость“ (Сборн. ст. Барсова 203 стр.).

3) Подчеркиваніе этихъ словъ принадлежитъ перу Владыки.

Павла, который онъ въ посланіи къ Римлянамъ (VII, 23) написалъ о себѣ и въ своемъ лицѣ о всемъ падшемъ чело-
вѣчествѣ: *вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ противоющъ за-
кону ума моего!*... Стало быть, и безгрѣшный Господь І. Хри-
стосъ могъ сказать о Себѣ то, что далѣе въ 24 стихѣ гово-
рить о себѣ апостолъ: *окаяненъ азъ человекъ и проч.*“ Этотъ
совершенно неправильный выводъ изъ моихъ словъ дѣй-
ствительно способенъ вызвать чувство возмущенія въ вѣ-
рующемъ сердцѣ. Но виновенъ здѣсь не я, не подавая ни
малѣйшаго основанія своими словами къ такому умозаклю-
ченію Владыки... Изъ положенія о борьбѣ духа Христова съ
естественно-чувственными влеченіями Его тѣлесной природы
выводить заключеніе о борьбѣ Христа съ какими-либо грѣ-
ховными влеченіями Его тѣлесной природы, значить—не
признавать въ тѣлесной природѣ человѣка *никакихъ другихъ
влеченій*, кромѣ грѣховныхъ. Но это, очевидно, безусловно
несправедливо. Въ тѣлесной природѣ человѣка имѣютъ мѣ-
сто и влеченія, принадлежащія къ самому ея существу, неза-
висимыя отъ какой-либо грѣховности или наслѣдственной
испорченности человѣка; это—влеченія именно чисто есте-
ственные. Существующія въ насъ влеченія грѣховныя обяза-
ны своимъ происхожденіемъ испорченности нашей природы; эти
влеченія, строго говоря, не могутъ быть и называемы есте-
ственными влеченіями человѣческой природы, какъ не дан-
ныя ей первоначально, въ самомъ ея существѣ и потому суть
только влеченія грѣховныя, а не натуральныя, не естествен-
ныя. Такого различія между естественными и грѣховными
влеченіями тѣлесной природы человѣка покойнымъ Владыкой
повидимому не допускается и потому изъ моей рѣчи о борьбѣ
духа Христова съ естественно-чувственными влеченіями тѣ-
лесной природы Христа и дѣлается у него заключеніе о
признаніи мною человѣческой природы Христа вообще грѣ-
ховною. Но что взгляды, отвергающій въ человѣкѣ разли-
чіе между естественными и грѣховными влеченіями въ его
тѣлесной природѣ,—не православно-христіанскій, это доказы-
вается общимъ христіанскимъ ученіемъ о воплощеніи Сына
Божія во Христѣ, о соединеніи въ лицѣ Христа божествен-
ной природы съ *полною* человѣческою, кромѣ грѣховности
послѣдней. Единородный Сынъ Божій принявъ на Себя *всю
полноту* человѣческой природы; воплотившись, сталъ *во*

всѣмъ подобенъ намъ, людямъ, кромѣ грѣха. Если это такъ, то, значить, безусловно необходимо различать въ человѣческой природѣ, духовной и чувственной, естественную, данную ей Самимъ Творцомъ сторону, безгрѣшную и нажитую самимъ человѣкомъ съ его грѣхопадениемъ, грѣховную. Духъ Христа въ своихъ высшихъ стремленіяхъ, при выполненіи Имъ Своей чрезвычайной миссіи могъ вступить въ борьбу съ совершенно безгрѣшными, чисто-естественными требованіями соединенной съ нимъ чувственной природы. Или, быть можетъ, естественно-чувственныя влеченія человѣческой природы Христа, если они были безгрѣшны, не могли уже давать никакого повода къ борьбѣ съ ними Его духу, и, если я упомянулъ о такой борьбѣ, то *eo ipso*, призналъ уже указанныя влеченія грѣховными? Все это недоразумѣніе легко разсѣивается прямымъ свидѣтельствомъ Слова Божія о неоднократныхъ искушеніяхъ Христа: по Писанію, Христосъ, несомнѣнно, безгрѣшенъ, и однако оно не разъ говоритъ о борьбѣ духа Христова съ низшими требованіями его чувственной природы. Борьба эта могла имѣть мѣсто не изъ-за грѣховныхъ влеченій, исходившихъ изъ поврежденной тѣлесной природы человѣка, а вслѣдствіе *натурально-субстанціональнаго различія* между влеченіями духа и влеченіями тѣла въ человѣческой природѣ Христа, вслѣдствіе самостоятельности тѣхъ и другихъ влеченій, обусловливаемой самою разностію ихъ природы. Духъ по природѣ своей выше тѣла и стремленія его несоизмѣримо высшаго порядка сравнительно съ стремленіями послѣдняго: тѣ — вѣчны, эти — временны; тѣ безграничны, эти — конечны. Поэтому при осуществленіи духомъ свойственныхъ ему стремленій естественна и неизбѣжна между духомъ и требованіями тѣла коллизія, при безгрѣшности или неповрежденности человѣческой природы долженствующая всегда разрѣшаться господствомъ духа надъ тѣломъ. И именно такія коллизіи въ земной жизни Христа, Богочеловѣка, представляютъ намъ всѣ испытанныя, не разъ пережитыя Христомъ *искушенія*. По свидѣтельству Ап. Павла, Господь Христосъ, *подобно намъ, искушенъ былъ во всѣмъ, кромѣ грѣха*. (Евр. 4, 15). Спрашивается: какое психологическое значеніе имѣли всѣ искушенія Христа? Находили ли они какую-либо воспримчивость въ человѣческой природѣ Христа, представляя собой какой-либо

соблазнъ для Христа, каковой соблазнъ Христосъ силою воли долженъ былъ побѣждать, отстранять отъ Себя? Или всѣ искушенія, касавшіяся Христа, не имѣли абсолютно никакого значенія для Него, не встрѣчали въ Немъ никакого воспріятія, ничѣмъ не отражались на человѣческой природѣ Христа, оставались какъ бы пустыми внѣшними нападеніями, силою абсолютной невоспримчивости къ нимъ Христа тотчасъ отстранявшимися отъ Него? Но въ послѣднемъ случаѣ искушенія были бы уже не искушеніями, такъ какъ противорѣчили бы самому понятію „искушенія“, а просто безумными попытками со стороны искушителя — діавола къ искушенію Того, Кто не способенъ былъ подпасть какому бы то ни было искушенію, не могъ быть искушаемъ ¹⁾. Между тѣмъ Слово Божіе говоритъ не то: чтобы *сострадать намъ въ немощахъ нашихъ* Христосъ былъ *искушенъ во всемъ, кромѣ грѣха, подобно намъ* (Евр. IV, 15); чтобы быть *милостивымъ и вѣрнымъ первосвященникомъ предъ Богомъ* для умиловленія за грѣхи народа, Онъ долженъ былъ во всемъ уподобиться братіямъ, Самъ претерпѣть искушенія, чтобы *искушаемымъ помогать* (Евр. III, 17, 18). Такъ свидѣтельства Апостола позволяютъ съ несомнѣнностію видѣть, что *всяческія* искушенія, перенесенныя (претерпѣнныя) Христомъ, имѣли, такъ сказать, жизненное значеніе для Него, находили воспримчивую почву въ Его природѣ, и, несомнѣнно, этой почвой служили естественныя требованія и влеченія Его тѣлесно-чувственной природы, принадлежавшія къ самому существу Его человѣческой природы, а не къ какому либо грѣховному предрасположенію въ ней: ибо Христосъ *былъ искушаемъ подобно намъ, но грѣха не имѣлъ*. Надъ всѣми искушеніями Христосъ вышелъ побѣдителемъ; слѣдовательно, при всѣхъ Его искушеніяхъ предполагается въ Немъ борьба;

¹⁾ Православный богословъ, по словамъ прот. Т. Буткевича, „съ одной стороны, долженъ допустить, что Христосъ былъ искушаемъ сатаной, съ другой— онъ не долженъ переходить границы, указанной словами Павла: *кромѣ грѣха*. Но въ этихъ предѣлахъ нельзя долго держаться, если приписать Христу *абсолютную невозможность сближенія со зломъ*... Едва ли можно Іисусу отказать во всякомъ пунктѣ соприкосновенія со зломъ, потому что въ этомъ случаѣ мы впали бы въ докетизмъ и челоуѣчество Іисуса нужно было бы считать только призрачнымъ“. (Сборн. ст. Барсова, т. I. 267—81 стр.).

такъ какъ безъ борьбы Онъ не былъ бы и побѣдителемъ; но эта борьба была борьбой Его духа съ несогласимыми съ Его задачами тѣлесно-чувственными влеченіями, совершенно естественными, негрѣховными. Возьмемъ примѣромъ, для разъясненія нашей мысли, первое искушеніе Христа въ пустынь—*превращеніе камней въ хлѣбы* (Мѣ. IV, 3): оно находило себѣ отзвукъ въ естественномъ чувствѣ голода, возникшемъ въ тѣлесной природѣ Христа послѣ сорокодневнаго поста (ст. 2) ¹⁾. На бессознательное искушеніе со стороны Ап. Петра, попытавшагося отклонить своего Учителя отъ предстоявшаго Ему перенесенія страданій и смерти (Мѣ. XXI, 22), Христось прямо указываетъ какъ на сатанинскій *соблазнъ* для Него, но не потому, чтобы Петрово искушеніе, явившееся для него соблазномъ, само въ себѣ заключало что-либо грѣховное, а потому что имѣло свою цѣлю *человѣческое*, противорѣчащее Божію: *ты думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое* (ib. ст. 23). Въ часы предсмертной молитвы Христа въ Геосиманскомъ саду кто не признаетъ тяжелой *борьбы* Господа съ исходившими изъ глубины Его человѣческой природы искушеніями — съ желаніями Его плоти избавиться отъ предстоящей ей чаши страданій и смерти (Мѣ. XXVI, 37)? Всѣ эти искушенія, вся эта борьба духа Христа съ плотію, во время которой душа Иисуса *скорбѣла смертельно* (ib. 38), такъ что потребовалось явленіе ангела съ небесъ для укрѣпленія Его силъ, для побѣды духа надъ плотію, вся эта борьба имѣла своимъ основаніемъ не дѣйствіе во Христѣ какой-либо общечеловѣческой грѣховности, а просто естественное общечеловѣческое чувство самосохраненія, въ концѣ концовъ побѣжденное духомъ Христовымъ. Его мессіанскимъ призваніемъ. Во всѣхъ пережитыхъ Христомъ искушеніяхъ Онъ явилъ Себя истиннымъ человѣкомъ со всѣми свойствами общечеловѣческой природы, за исключеніемъ одного—общей всѣмъ намъ грѣховности, оставаясь чистымъ отъ всякаго грѣха, показавъ Себя во всемъ подобнымъ намъ, кромѣ грѣха. Въ этомъ именно и состоитъ су-

¹⁾ „Тѣ три искушенія, которыми было сдѣлано нападеніе въ пустынь на великаго нашего Вождя, могутъ быть обозначены тремя словами: мѣръ, плоть и діаволь (1 Іоанн. 11, 16). Въ попущеніи удовлетворить голодъ образомъ, не согласнымъ съ волей Божіей, заключалось *искушеніе плоти*“ (Сборн. ст. Барсова 264 стр. 1 т.).

шественная, коренная и неизгладимая разница между чело-
вѣческой природой Христа и нашей: ничто чело-вѣческое не
было чуждо Христу, но безусловно чужды были Ему грѣхъ.

Задача всей моей статьи: „Безгрѣшность Господа нашего
Исуса Христа“, — состояла именно въ томъ, чтобы посред-
ствомъ, по возможности, подробнаго анализа разныхъ сторонъ
чело-вѣческой природы Христа, совершенно аналогичныхъ
или даже тождественныхъ свойствамъ общечело-вѣческой при-
роды, показать непричастность Христа одному печальному
свойству нашей природы—ея *поврежденности* или наслѣд-
ственной грѣховности и *грѣху вообще*, всестороннѣ раскрыть
абсолютную свободу Его отъ грѣха. Все чело-вѣческое во
Христѣ было совершенно тождественно нашей природѣ, но
лишь въ томъ, что принадлежитъ послѣдней по ея перво-
начальному существу и отлично отъ этой въ томъ, что со-
ставляетъ грѣховность послѣдней: сходство чело-вѣчества
Христа съ нашимъ чело-вѣчествомъ находитъ себѣ погранич-
ную черту въ грѣховности нашей природы, чуждой Христу:
дозды, до грѣха Христосъ, по чело-вѣчеству, во всемъ подо-
бенъ намъ. Раскрытіе этого подобія по отдѣльнымъ сторо-
намъ чело-вѣческой природы съ указаніемъ однако одного
существеннаго отличія отъ насъ Христа во всѣхъ проявленіяхъ
Его жизни—отсутвія въ Немъ грѣха, даже малѣй-
шей тѣни послѣдняго, и составляетъ предметъ моей статьи.

На основаніи всего, сдѣланнаго мной, раскрытія, съ одной
стороны, подобія Христа всѣмъ людямъ, съ другой—прохо-
дящей во всемъ этомъ подобіи яркою чертой безгрѣшности
Христа, и получились въ моей статьѣ два общихъ вывода:
о сверхъестественномъ рожденіи Христа на землѣ и объ исклю-
чительной особенностяхъ Его природы, не какъ только чело-
вѣческой, но и какъ божественной, словомъ какъ *богочело-вѣ-*
ческой. Приведу буквально послѣдніе выводы моей статьи:
„какое же заключеніе естественно и необходимо слѣдуетъ
изъ этого (изъ всего сказаннаго) по отношенію къ природѣ
Христа? Слѣдующее, состоящее изъ двухъ положеній: во-
первыхъ, Евангеліе проповѣдуетъ непререкаемую истину,
свидѣтельствуя, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ родился
въ мѣрѣ не по естественнымъ законамъ, общечело-вѣческаго
рожденія, но по особеннымъ, исключительнымъ, *сверхъесте-*
ственнымъ; Онъ—*сверхъестественное явленіе въ мѣрѣ*, чудо въ

нашей исторіи по самому происхожденію Своему. Во-вторыхъ, Онъ не есть только сверхъестественное лице какого-либо неопредѣленнаго характера, но истинный Богъ, принявшій на Себя природу человѣка и, такимъ образомъ, ставшій человѣкомъ— есть истинный *Богочеловѣкъ*“.

Не понимаю, какимъ образомъ изъ какихъ бы то ни было моихъ словъ или строкъ въ разсматриваемой здѣсь моей статьѣ, всецѣло проникнутой одной общей идеей ея, можно было вывести то, что является полнымъ противорѣчіемъ всему духу, всему *существу* статьи, т. е. то, что, будто бы, я низвожу Христа до полнаго уподобленія всякому грѣховному человѣку, устами Ап. Павла признающему въ себѣ дѣйствіе двухъ противоположныхъ законовъ — добра и зла, сознающему въ себѣ врожденную нравственную поврежденность или грѣховность своей природы и изъ глубины этого горькаго сознанія издающему слѣдующее восклицаніе: *окаяненъ азъ человекъ?* По отношенію къ общечеловѣческой грѣховности и общечеловѣческому сознанію этой грѣховности въ моей статьѣ прямо выдѣляется Христось, какъ единственное лице, не имѣющее въ Себѣ ни какой-либо грѣховности, ни какого-либо сознанія въ Себѣ грѣховности: „Христось во всемъ Своемъ развитіи, какъ мы видѣли, показалъ Себя безусловно чуждымъ ненормальности нашего развитія, этой второй нашей природы“... „Никто и никогда, насколько намъ извѣстно изъ исторіи, не объявлялъ себя предъ чело-вѣчествомъ безгрѣшнымъ, и только одинъ Христось открыто свидѣтельствовалъ о Себѣ“¹⁾... Изъ трехъ частей моей статьи, ясно обозначенныхъ цифрами (I, II, III) преобладающею по объему своему является вторая и она то вся посвящена раскрытію положенія, что не только въ какихъ-либо внѣшнихъ проявленіяхъ жизни Христовой, но и въ самыхъ послѣднихъ тайникахъ Его сердца, насколько евангелія позволяютъ проникнуть туда нашему взору, не усматривается скрывающагося какая либо тѣнь грѣха.

Основное положеніе моей статьи: Господь Христось, по чело-вѣческой природѣ Своей, во всемъ подобенъ всемъ прочимъ лю-дямъ за исключеніемъ наслѣдственной грѣховности или поврежденности нашей природы и причастности какому-либо

1) 78 и 79 стр.

личному грѣху, есть положеніе безусловно православно-христианское. Что оно утверждается на ученіи Новаго Завѣта,— это мы уже видѣли; но оно есть также ученіе и *Православной Церкви* всѣхъ вѣковъ, выраженное и устами св. отцовъ, и постановленіями вселенскихъ соборовъ. „Съ совершенною ясностью“, говоритъ преосвященный Сильвестръ въ своемъ капитальномъ трудѣ по Догматическому Богословію, „отцы церкви учили, что Иисусъ Христосъ одинаково былъ какъ совершенный Богъ, такъ и совершенный человекъ (съ *цѣлостною природою* *человѣческою*)“ ¹⁾. На четвертомъ вселенскомъ соборѣ, осудившемъ монофизитскую ересь и, по словамъ преосвящ. Сильвестра, „окончательно и со всевозможною точностію опредѣлившемъ ученіе о лицѣ Иисуса Христа и двухъ въ Немъ естествахъ“, соборнымъ вѣроизложеніемъ постановлено:.... „исповѣдывати Господа нашего Иисуса Христа совершенна въ Божествѣ и совершенна въ человѣчествѣ.... *единосущна* Отцу по Божеству и *единосущна* тогожде намъ по человѣчеству, по *всему* намъ подобна, кромѣ грѣха.... ни какоже различію двухъ естествъ потребляемому соединеніемъ, паче же сохраняемому свойству коегождо естества“.... (ib. 86 стр.). Св. Іоаннъ Дамаскинъ, который, по словамъ цитуемаго нами преосвященнаго догматиста, „свелъ къ одному заключительному слову все сказанное прежними отцами и опредѣленное соборами“ о лицѣ Иисуса Христа, говоритъ о двухъ естествахъ Его слѣдующее: „Онъ (Христосъ) пребылъ и совершеннымъ Богомъ, не предложивъ ни божескаго Своего естества въ сущность плоти, ни сущность Своей плоти въ божеское Свое естество.... потому-то говоря о божествѣ Его, не приписываемъ Ему свойствъ человѣчества, точно также и плоти или человѣчеству не приписываемъ свойствъ Божества“ (ib. 89 стр.). Наконецъ, не можемъ не сослаться и на самого почтеннаго и авторитетнѣйшаго догматиста нашего времени, преосвящ. Сильвестра, который единомысленно съ нами, прямо признаетъ тоже психологическое явленіе въ богочеловѣческой жизни Христа,—бореніе духа Христова съ естественными требованіями Его тѣлесной природы, которое смутило преосвящ. Савву: „по душѣ Своей Онъ (Христосъ) такъ же, какъ и другіе люди,

¹⁾ Оп. Пр. Догм. Бог. т. IV, 79 стр.

испытываль и выражалъ свойственныя имъ разныя душевныя состоянія, какъ, напримѣръ, что обращаетъ на себя особенное вниманіе, чувство соединеннаго съ преданностію волѣ Божіей самаго тяжелаго внутренняго томленія и *боренія съ Собой, въ виду своихъ страданій*, такъ полно изливагося въ Его рѣчи къ ученикамъ: *прискорбна есть душа Моя до смерти* (Мѣ., 26, 38^а). (Ів. 52 стр.). Правда преосв. Сильвестръ, говоря о человѣческомъ естествѣ Іисуса Христа усваиваетъ этому естеству такія „особенности и преимущества, какихъ не имѣлъ и не можетъ имѣть ни одинъ изъ людей“. Но какія же это особенности и преимущества?—Во-первыхъ, „безмужное зачатіе Христа отъ одной Дѣвы Маріи и Духа Святаго“, во вторыхъ „изытіе Его отъ наслѣдственной порчи грѣховной или прародительскаго грѣха“ и въ третьихъ, „личную безгрѣшность (по человѣчеству) Христа (ib. 52 и 53 стр.). Но это такія „особенности и преимущества“ человѣческаго естества Іисуса Христа, которыя утверждаетъ, раскрываетъ и обосновываетъ и моя статья.

Итакъ, повторяемъ, справедливо ли, если я утверждаю, что Христосъ по человѣчеству Своему подлежалъ общимъ законамъ духовнотѣлеснаго развитія и въ этомъ постепенномъ развитіи, подобно всѣмъ прочимъ людямъ, не чужды былъ борьбы съ естественно-чувственными влеченіями Своей человѣческой природы, въ каковой борьбѣ однако не обнаружилъ ни малѣйшаго безсилія или слѣда прирожденной или личной грѣховности, справедливо ли дѣлать заключеніе, что, слѣдовательно, я признаю человѣческую природу Христа *во всемъ* аналогичною природѣ Ап. Павла, жаловавшагося на грѣховность своей природы?—Рѣшительно несправедливо.

Изъ всего вышеизложеннаго само собой слѣдуетъ, что я вполне присоединяюсь къ преосвященному Саввѣ въ томъ его мнѣніи, что предполагать во Христѣ борьбу двухъ противоположныхъ нравственныхъ направленій—добраго и злого и совершенно уподоблять Его всѣмъ людямъ до признанія въ Немъ включительно наслѣдственной грѣховности—есть ученіе нечестивое, „лжеученіе“, осуждаемое всѣми отцами и соборами православной церкви, есть „мудрованіе не о Христѣ, гнилыя и нездравомысленныя слова“. Подъ такимъ суровымъ приговоромъ означеннаго ученія я подписываюсь обѣими руками. Но это ученіе, такъ ясно формулированное

преосвящ. Саввой, есть его *личный выводъ*, и совершенно неправильный, изъ моихъ словъ о самостоятельномъ приобрѣтеніи или достиженіи Христомъ, Богочеловѣкомъ, Своего абсолютнаго нравственнаго совершенства, а не врожденномъ Ему, не давномъ Ему разъ навсегда, въ неподвижномъ видѣ; выводъ изъ такихъ словъ, изъ которыхъ выводятся мной совершенно противоположныя заключенія о рожденіи Христа на землѣ—„не по естественнымъ законамъ общечеловѣческаго рожденія, а по особеннымъ, исключительнымъ, сверхъестественнымъ“ и о воплощеніи въ лицѣ Иисуса Христа, „истиннаго Бога, принявшаго на Себя природу человѣка“ ¹⁾. Не могу не привести здѣсь выдержки изъ послѣднихъ строкъ моей статьи, выдержки, ставящей внѣ всякаго сомнѣнія мою точку зрѣнія на природу Спасителя: „что же мы должны разумѣть подъ божественнымъ началомъ, дѣйствовавшимъ внутри духа Христова? Очевидно, отнюдь не то только сродное Богу или богообразное начало жизни, которое присуще каждому человѣческому существу: такая богообразность Христа не исключала бы ненормальности въ Его духовномъ развитіи, какъ это мы видимъ во всѣхъ людяхъ. Въ такомъ случаѣ, что же остается намъ заключить о божественномъ началѣ во Христѣ, въ виду Его совершенной безгрѣшности? То, что оно было *божественнымъ естествомъ* въ собственномъ смыслѣ слова, соединившимся съ человѣческою природой и, такимъ образомъ, въ своемъ соединеніи съ послѣднею открывшимъ міру въ нашемъ Спасителѣ Бога и человѣка вмѣстѣ, *Богочеловѣка*“ ²⁾.

Вотъ мое заключеніе изъ разсмотрѣнія разныхъ сторонъ человѣческаго естества Иисуса Христа! Истинно-православное ученіе, святоотеческое и соборное признаетъ во Христѣ все истинно-человѣческое, кромѣ грѣха. Владыкѣ показалось соблазнительнымъ приписывать Христу всю полноту человѣческой природы, такъ какъ отъ такой полноты, по видимому, уже не далекъ переходъ къ признанію во Христѣ и грѣховности нашей природы; однако какъ ни близокъ этотъ переходъ, мною онъ нигдѣ въ моей статьѣ не былъ сдѣланъ: для меня во Христѣ Иисусѣ все человѣческое было, но *до* или *кромѣ* грѣха.

¹⁾ 78 стр. цит. соч.

²⁾ 81—2 стр.

Для окончательнаго выясненія источника, породившаго соблазнъ, при чтеніи моей статьи, въ сердцѣ преосвящ. Саввы, позволю себѣ сказать въ заключеніе всего слѣдующее: преосвящ. Савва, несомнѣнно, понималъ божество и человечество Христа въ рамкахъ того уже довольно устарѣлаго (схоластическаго) богословія, въ духѣ котораго былъ воспитанъ. По этому богословію божество Христа доказывалось рассмотрѣніемъ *исключительно* свойствъ и проявленій божественнаго естества Иисуса Христа, а человечество рассмотрѣніемъ свойствъ лишь человѣческой природы Христа, при чемъ на человѣческія свойства, какъ менѣе цѣнныя по сравненію съ божественными, и въ наше время никѣмъ не оспариваемыя въ лицѣ Иисуса Христа, мало обращалось вниманіе; о нихъ говорилось кратко. Вышедшее изъ тѣсныхъ рамокъ схоластики новѣйшее богословіе, исходя изъ древняго святоотеческаго ученія о соединеніи божества и человечества во Христѣ „въ видѣ проникновенія однимъ естествомъ другого и при томъ настолько полнаго, глубокаго и внутренняго проникновенія, что его можно сравнить съ проникновеніемъ огнемъ раскаленнаго желѣза“ (см. Іоаннъ Дамаск. о правосл. в. кн. 3, гл. 7, цит. у преосвящ. Сильвестра т. IV, 90 стр.), уже въ самомъ человечествѣ Христа находитъ ясное указаніе на Его божество, какъ и наоборотъ, въ божествѣ Христа усматриваетъ Его совершеннѣйшее человечество. Отсюда оно подробно раскрываетъ всѣ стороны человѣческой природы Христа съ цѣлю выясненія въ нихъ и чрезъ нихъ божественной природы Христа. Такимъ подробнымъ раскрытіемъ человѣческой природы Христа, какъ ранѣе незнакомымъ ему и необычнымъ для него, преосвящ. Савва и соблазнился въ моей статьѣ, заподозривъ ее въ еретической тенденціи... Но достойно сожалѣнія при этомъ то, что воспитаннымъ на схоластикѣ, часто ложно принимавшейся за православно-церковное ученіе и потому самому далеко самымъ несвободнымъ отъ нѣкотораго рода ошибокъ и заблужденій даже въ области догматическихъ вѣрованій, глубоко прививалось убѣжденіе, что изученное и твердо усвоенное ими богословіе якобы исчерпываетъ своими системами, заключаетъ въ своихъ узкихъ колодкахъ все неисчерпаемое и необъятное содержаніе Божественнаго откровенія; отсюда этимъ почтеннымъ богословамъ богословіе и Божественное откровеніе ка-

зались тожественными, и потому они все несогласное съ заученными ими богословскими трактатами, ни мало не колеблясь, съ легкимъ сердцемъ, но съ неудержимымъ фанатизмомъ клеймятъ названіемъ „ученія нехристіанскаго, еретическаго“. Однимъ изъ представителей такого увядающаго типа богослова показалъ себя и преосвящ. Савва по отношеніи къ моей статьѣ, испытавшей четырехкратную цензуру—редактора „Душ. Чт.“, прот. В. П. Нечаева, цензора „Душ. Чт.“ прот. С. I. Зернова, цензора прот. М. С. Боголюбскаго (въ 1-мъ отдѣльномъ изд. статьи въ книгѣ: „Общед. статьи въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія“, вып. I) и цензора прот. Г. М. Дьяченко (во 2-мъ изд. означенной книги). Кромѣ того подпавшая строгому, но несправедливому осужденію преосвящ. Саввы статья вмѣстѣ съ прочими статьями, составившими первый выпускъ моихъ апологетическихъ статей (подъ заглавіемъ: „Общедоступныя статьи въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія“) два раза, въ первомъ и во второмъ изданіяхъ, была удостоена одобренія Учебнаго Комитета Св. Синода для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій ¹⁾. Кажется, всѣ эти искусы, чрезъ которые прошла моя статья о „Безгрѣшности Господа нашего Иисуса Христа“ служатъ достаточной гарантіей чистоты ея православія.

Протоіерей I. Петропавловскій.

¹⁾ Не только для семинарскихъ бібліотекъ, а также и для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерство Нар. Просвѣщенія и для бібліотекъ военныхъ училищъ и кадетскихъ корпусовъ вмѣстѣ съ перв. выпускомъ одобренъ также и второй выпускъ подъ заглавіемъ: „Въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія“.